

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

БЕРЛИН 45-го
Сражение в логове зверя

МОСКВА
2020

УДК 94(47+57)"1945"
ББК 63.3(2)622.13
И85

В оформлении переплета использован материал,
предоставленный редакцией

Исаев, Алексей Валерьевич.
И85 Берлин 45-го. Сражение в логове зверя / Алексей
Исаев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2020. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-04-108671-8

1945. Год Великой Победы. «Звездный час» советского на-
рода. Дата величайшего триумфа в русской истории.

Однако и сейчас, спустя 75 лет после Победы, финал Ве-
ликой Отечественной, ожесточенная Битва за Берлин, вызыва-
ет множество вопросов.

Каковы реальные потери в Берлинской операции?

Можно ли было обойтись без штурма Зееловских высот?

Действительно ли было «соревнование» между Жуковым
и Коневым?

И, наконец, а стоило ли вообще штурмовать Берлин?

В предлагаемой книге ведущего военного историка Алек-
сея Исаева не только скрупулезно анализируется ход Битвы
за Берлин, но и дается объективная оценка действий сторон,
неопровержимо доказывая, что Берлинская наступательная
операция по праву считается одной из самых успешных и об-
разцовых в истории.

УДК 94(47+57)"1945"
ББК 63.3(2)622.13

© Исаев А.В., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108671-8

ПРОЛОГ. ПЕРЕМЕНЫ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Когда 31 января 1945 г. передовыми отрядами армий 1-го Белорусского фронта были захвачены плацдармы на Одере, разница между положением советских и англо-американских войск была огромной. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции только-только оправались от сильного удара, нанесенного им немецким наступлением в Арденнах. Передовые советские части стояли на Одере в 70 км от Берлина, а войска союзников находились в сотнях километров от него на западной границе Германии. Более того, наступление на «Линию Зигфрида» в районе Эйфеля, начатое 28 января силами 1-й и 3-й американских армий, через три дня было остановлено Эйзенхауэром. Продвижение вперед было непропорционально потерям. Это стало одной из причин того, что на Ялтинской конференции Берлин был отдан в советскую зону оккупации.

Однако в феврале и марте 1945 г., когда советские фронты на берлинском направлении переживали кризис на флангах, англо-американские войска провели ряд операций, приблизивших их к немецкой столице.

Первым шагом стало продвижение к Рейну, начавшееся 8 февраля 1945 г. с наступления 1-й канадской армии из района Неймегена. 23 февраля к наступлению присоединились 1-я американская армия Ходжеса и 9-я армия Симпсона. Две армии начали наступление с рубежа реки Рур навстречу канадцам. Общий замысел наступления

союзников предусматривал окружение немецких войск на западном берегу Рейна. 3 марта американские и англо-канадские войска соединились у немецкого города Гельдерна. 7 марта с захватом железнодорожного моста через Рейн у Ремагена был образован первый плацдарм союзников на восточном берегу реки. Это был единственный мост через Рейн, доставшийся союзникам неповрежденным. Для уничтожения моста у Ремагена были привлечены все средства, начиная от традиционной артиллерии и экзотических подводных диверсантов и заканчивая «чудо-оружием». По мосту было выпущено 11 ракет «Фау-2», что было единственным применением ракет в тактических целях. Для уничтожения моста была сформирована специальная группировка, состоявшая из 8 бомбардировщиков «Арадо-234» (из 76-й бомбардировочной эскадры) и примерно 30 «Me.262» из I группы 51-й бомбардировочной эскадры. Первый налет не привел к успеху, равно как и следующие 12. В конце концов бомбардировщику «Арадо-234» удалось повредить один мостовой пролет, но инженерные подразделения американцев быстро его исправили. Но в конце концов сильно поврежденный мост рухнул сам по себе, от близкого разрыва тяжелого снаряда. Однако к тому моменту американцы переправили на плацдарм пять дивизий, и разрушение моста запоздало.

Далее немецкое командование попало в типичную для стороны, вынужденной вести пассивную оборону, ловушку. Командующий группой армий «Б» Модель считал, что американцы начнут прорыв с северного фаса плацдарма у Ремагена с целью обеспечить форсирование Рейна своим соседям. Командующий оборонявшейся по периметру плацдарма 15-й немецкой армией фон Цанген считал более вероятным направлением удара центральную часть плацдарма. Однако последнее слово было за Моделем, и LIII корпус Байрлейна, в котором было сосредоточено большинство танков 15-й армии, занял оборону на северном фесе Ремагенского плацдарма. Здесь на реке Зиг была создана наиболее прочная оборона. В центре

Американские солдаты у башенок знаменитого «моста Людендорфа». Захват моста через Рейн у Ремагена не только облегчил союзникам наступление на восток, но и определил их стратегию

оборонялся второй по силе LXXIV корпус, а южный фас плацдарма занимал самый слабый LXVII корпус.

Вопреки ожиданиям Моделя удар был нанесен в центре Ремагенского плацдарма. Начавшаяся 25 марта операция американских войск под кодовым наименованием «Вояж» уже на следующий день привела к обвалу немецкой обороны. Танки и «Ягдтигры» корпуса Байрлейна были просто обойдены. Уже 29 марта танковая колонна 1-й американской армии, пройдя за день 70 км, оказалась в 25 км от Падеборна, глубоко в тылу войск группы армий «Б». После короткого, но кровопролитного сражения у Падеборна 1 апреля кольцо окружения вокруг немецкой группировки в Руре замкнулось. В гигантский «котел» попали около 370 тыс. человек. 28 марта Рур был объявлен «фестунгом», и вместо отступления на восток Модель решил его оборонять. В свою очередь, американское командование в лице Эйзенхауэра приняло решение сосредоточить усилия на периметре «котла», стремясь разбить окруженные войска противника. С этой целью 9-я американская армия была передана из состава 21-й группы армий Монтгомери в 12-ю группу армий Бредли.

Англичане были отнюдь не в восторге от принятых Эйзенхауэром решений. 1 апреля 1945 г. Черчилль пишет президенту Рузвельту:

«...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они. Поэтому мое мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости»¹.

Однако умирающий Рузвельт (американский президент скончался 12 апреля) уже не мог повлиять на верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Западной Европе. Эйзенхауэр имел достаточные полномочия для проведения в жизнь принятых им решений. В своих воспоминаниях он впоследствии объяснял логику своих действий следующим образом: «Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин — символ оставшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников. Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль. На пути к нему, в двухстах милях от нашего фронта, лежала река Эльба, служившая значительным естественным препятствием. Русские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу этой реки, всего в тридцати милях от Берлина. Возможности наших тыловых служб по обеспечению войск, в том числе способность доставки на фронт до 2 тыс. тонн грузов ежедневно средствами транспортной авиации, позволяли обеспечивать продвигавшиеся головные колонны через

---

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 3. Тома 5—6. М.: Воеиздат. 1991. С. 579.

Германию. Но если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением. Помимо окружения Рура нужно было срочно решить еще несколько крупных задач»¹.

Таким образом, со стороны американского командования имел место сознательный отказ от участия в битве за Берлин. После того как у Монтгомери отобрали 9-ю американскую армию, перспектива прорыва к немецкой столице англичан была тем более туманной. Впоследствии это решение Эйзенхауэра стало объектом резкой критики, т.к. вместо почетной миссии взятия Берлина американским солдатам пришлось вести бои с окруженными немецкими войсками. К 18 апреля рурский «котел» окончательно развалился. 21 апреля командующий группой армий «Б» Вальтер Модель покончил жизнь самоубийством. Всего американскими войсками в Руре было взято в плен 317 тыс. человек — больше, чем в Сталинграде и в Эль-Аламейне, вместе взятых. Это стало некоторым утешением за ускользнувший из рук Берлин.

---

¹ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000. С. 448—449.

ЦЕЙТНОТ

Первые проработки плана наступления на Берлин, согласно мемуарам Г.К. Жукова, появились еще в ноябре 1944 г., когда 1-й Белорусский фронт стоял на Висле. В результате Висло-Одерской операции были захвачены плацдармы на Одере в 70 км от Берлина. В середине февраля 1945 г. армии фронта даже получили директивы на удары в направлении Берлина. К тому моменту войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов вклинились на территорию Германии до Одера, оставив на флангах крупные группировки противника в Восточной Померании (к северу от вбитого до Одера клина) и Силезии (на юге).

Однако вновь созданная немцами группа армий «Висла», усиленная свежесформированными и переброшенными с других участков фронта дивизиями, оказалась прочнее, чем представлялось поначалу. Февральское наступление 2-го Белорусского фронта К.К. Рокоссовского в Померании забуксовало, затем последовал контрудар немецкой 11-й армии из Померании во фланг войскам на берлинском направлении (операция «Солнцестояние»). Наступать на Берлин, отвлекая значительные силы на прикрытие флангов, было рискованно. Дело было не только в возможности контрударов противника, но и в недостаточном количестве войск, которые могли быть использованы для удара в направлении немецкой столицы. Половина общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта в феврале 1945 г. стояла фронтом на север, в сторону Балтийского

Старая рейхсканцелярия. Балкон был пристроен по требованию Гитлера в первые годы его власти для общения с народом

моря, а не в сторону Берлина. Директивы на Берлинскую операцию пришлось положить под сукно.

Март 1945 г. был посвящен ликвидации фланговых угроз. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов развернулись своими главными силами на север и юг соответственно. Последовал ряд ударов, в результате которых была очищена от противника Восточная Померания, нанесено поражение 3-й танковой и 2-й армиям группы армий «Висла». Также в марте нанесен ряд тяжелых поражений группе армий «Центр» в Верхней и Нижней Силезии. Главной ударной силой этих операций стали четыре танковые армии двух фронтов.

Однако о наступлении на Берлин не забывали. В то время как гремели бои в Померании, стоявшие на Одере армии 1-го Белорусского фронта занимались расширением захваченных плацдармов. Противником советских

войск в этих боях стала немецкая 9-я армия, подчиненная группе армий «Висла». Ряд последовательных ударов принес успех. К концу марта 1945 г. в 60 км от Берлина был образован Кюстринский плацдарм, ширина и глубина которого позволяли собрать на нем крупную ударную группировку для наступления на столицу Третьего рейха.

Обеспечив себя в марте крупным монолитным Кюстринским плацдармом, Г.К. Жуков не собирался останавливаться на достигнутом. На 3 апреля 1945 г. было назначено начало частной операции по объединению плацдармов 33-й и 69-й армий у Франкфурта-на-Одере. Ликвидацией франкфуртской группировки противника Жуков собирался обеспечить себе более широкое поле выбора направления главного удара. Приказ на наступление на Франкфурт был подписан 26 марта, а к 28 марта были разработаны два плана наступления на Берлин. Они получили наименование вариантов «А» и «Б». По плану «А» предполагалось наступать на немецкую столицу, сосредоточив главные силы фронта на Кюстринском плацдарме. По плану «Б» основная ударная группировка сосредотачивалась на плацдарме у Франкфурта-на-Одере, захват которого собирались начать 3 апреля. Вариант «Б» предусматривал сосредоточение на Франкфуртском плацдарме 8-й гвардейской, 69-й и 33-й общевойсковых армий. На Кюстринском плацдарме оставалась 5-я ударная армия, усиленная 11-м танковым корпусом. 1-я гвардейская танковая армия должна была наступать в полосе 69-й армии, а 2-я гвардейская танковая армия — в полосе 8-й гвардейской армии. Тем самым главный удар войск 1-го Белорусского фронта должен был наноситься в обход трудного для наступления участка местности перед Кюстринским плацдармом — Зееловских высот. Даже само по себе образование второго крупного плацдарма рассеивало внимание противника. Немцам пришлось бы держать резервы на подступах к обоим плацдармам. Прорыв с одного из них означал перемалывание резервов немецкой 9-й армии по частям, сначала близлежащих, а потом спешно переброшенных с неатакованного периметра второго плацдарма.

С двумя вариантами плана операции, в прекрасном расположении духа, Г.К. Жуков отправился 29 марта в Москву на прием к И.В. Сталину. На тот момент у него были все основания считать, что время еще есть. Войска 2-го Белорусского фронта еще штурмовали Данциг и Гдыню, в Силезии в самом разгаре было наступление 1-го Украинского фронта. Скорого высвобождения войск Рокоссовского и Конева ожидать не приходилось, и судьба Франкфурта-на-Одере казалась уже решенной. Однако выбор варианта «А» или «Б» стал выбором политическим, а не военным. Крушение немецкого фронта на западе и не вполне очевидные планы союзников относительно Берлина побудили советское верховное командование не затягивать с наступлением на немецкую столицу.

В Москве командующего фронтом ждал сюрприз. Жуков вспоминал:

«29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И.В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении»¹.

Что интересно, в своих мемуарах Георгий Константинович даже не стал вспоминать о двух вариантах операции. Впоследствии о втором плане наступления 1-го Белорусского фронта ходили самые фантастические легенды. Наиболее существенным недостатком варианта «Б» была потеря времени на объединение плацдармов 33-й и 69-й армий и разгром многочисленного гарнизона Франкфурта-на-Одере. В этих условиях выбор варианта «А» становился очевидным. Нужно также сказать, что корректировка мартовских планов вряд ли бы облегчила принятие решения о направлении наступления. Одновременно объединить Кюстринский плацдарм и захватить Франкфурт-на-Одере было бы проблематично.

Следующим шагом стало привлечение к Берлинской операции застрявшего в Верхней Силезии 1-го Украинского фронта. Жуков вспоминал:

«Обратившись к А.И. Антонову, Верховный сказал:

— Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом»².

Для командующего 1-м Украинским фронтом визит в Москву также стал неожиданностью, но неожиданностью приятной. И.С. Конев прибыл в Москву 31 марта 1945 г. Еще в феврале 1945 г. его войска начали наступление с прицелом на Дрезден. Тогда его пришлось остановить на рубеже Нейсе и развернуть в сторону флангов. Однако берлинское направление с точки зрения подготовки наступательных планов не было в новинку для Ивана Степановича. Теперь ему предстояло действовать куда ближе к Берлину, чем планировалось в феврале 1945 г.

На следующий день после приезда Конева состоялось совещание с участием командующих двумя фронтами.

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 289—290.

² Жуков Г.К. Указ. соч. С. 291.

*СУ-76М где-то в Германии.
САУ этого типа в 1945 г. были вторым
по распространенности образцом
бронетехники Красной Армии после Т-34-85*

Приглашать в Москву накрепко засевшего под Данцигом К.К. Рокоссовского было бессмысленно. С его поздним вступлением в борьбу за Берлин Верховный уже смирился. 1-й Украинский фронт вел наступление в Силезии в первую очередь за счет перегруппировки танковых армий. Свернуть операцию и перебросить две танковые армии, а также артиллерийские части на берлинское направление было проще.